

ПОСЛЕДНИЙ ПОКЛОН

Тороплюсь на пары, привычно подхожу к расписанию, вижу фотографию Лейдермана. Думаю: наверное, это какие-то материалы о нем, может, сведения об очередном награждении. Читаю: «На 72-м году жизни скончался Наум Лазаревич Лейдерман». Первая мысль: «Не может быть!» Сознание отторгает информацию. Невозможно представить Наума Лаза-

ревича мертвым, настолько он всегда был полон жизни, энергии, борьбы, порыва. Еще столько планов, неоконченных проектов, столько вопросов, которые хотелось с ним обсудить! Потом слезы, страшная опустошенность, ощущение невосполнимой потери, с которой невозможно смириться. Ушел Учитель, ученый, собеседник, духовный наставник, вождь.

20 лет назад я впервые увидела Наума Лазаревича. Он читал нам в школе лекцию. Первое впечатление: вот это глыба! Меня поразила его страстность, убедительность, масштабность мышления. Вдруг расширились привычные горизонты, вдруг оказалось, что каждое художественное произведение – это образ мира. Для меня, десятиклассницы, это стало интеллектуальным потрясением. Мы сидели, затаив дыхание, жадно впитывая каждое слово. После общения с таким человеком я не могла не поступить на филфак, да и моя учительница литературы Ася Михайловна Сапир всегда говорила об УрГПУ: «Ведь там же Лейдерман!» Сейчас ей уже почти восемьдесят, но она считает себя ученицей Наума Лазаревича. Именно он помог ей организовать филологический класс, им создана система непрерывного филологического образования. Когда я защитила кандидатскую диссертацию, Наум Лазаревич с удовольствием констатировал: «Вы уже десять лет в нашей системе: два года обучения в филологическом классе, пять лет в университете, три года в аспирантуре».

Помню, как мы слушали курс Наума Лазаревича «Введение в литературоведение», где каждое теоретическое положение подкреплялось виртуозным анализом текста. Хотелось записывать не только основные тезисы, но и попутные замечания, примеры из жизни, шутки, «вкусные» словечки, которые оживляли материал, давали эстетическое наслаждение. Бывал он и грозен, особенно на экзамене. Громовержец! По отношению к нему испытываешь не страх, но некий трепет. Не подвести, не разочаровать, лишний раз не потревожить...

Я шла на экзамен по теории литературы с ощущением, что решается моя судьба: ведь именно под руководством этого человека мне хотелось заниматься научной работой, писать курсовые и диплом. Еще со школы я увлеклась творчеством Цветаевой, но Науму Лазаревичу была не особенно близка ее поэзия, он тогда писал о Мандельштаме. Я была готова отказаться от Цветаевой, но Наум Лазаревич сказал: «Значит, буду изучать ее поэзию вместе с Вами». Он всегда был открыт для нового,

неизведанного, нередко уточнял и пересматривал собственные взгляды, уходя от стереотипов восприятия. До сих пор непостижимо, как у него хватало на всех времени, сил, идей, которыми он щедро делился с учениками. Просто какой-то неиссякаемый источник! Каким счастьем была научная работа под его руководством! Он не подавлял, а давал ученику поверить в свои силы, не загонял в строгие рамки, а непрерывно расширял горизонты исследования. Это было взаимообогащение, потому что Наум Лазаревич говорил, что в науке все равны. Он всегда акцентировал внимание на открытиях, сделанных его учениками, ссылаясь на их работы в своих монографиях. Сразу так повышалась самооценка! А еще всегда было ощущение поддержки и защиты. Уж за своих студентов, аспирантов, за кафедру Наум Лазаревич стоял горой.

Рядом с ним нужно непрерывно расти, эта мысль утверждалась даже в автографах Наума Лазаревича. Вот надпись на книге о Есенине: «С верой и надеждой на дальнейший творческий рост». А вот пожелание в сборнике «Семантическая поэтика», приуроченном к 70-летию ученого: «Покуда молоды – спешите творить науку».

Больше всего Наум Лазаревич любил, когда что-то рождалось (или кто-то рождался): рождение концепции, книги, диссертации, журнала («Филологический класс», безусловно, любимое детище), рождение ребенка у кого-то из сотрудников. «Мысль семейная» всегда была у него на первом плане: сам прекрасный семьянин, он любовно обнаруживал ее в литературных произведениях, подчеркивал мысль о необходимости укорененности человека в жизни, преемственности поколений, стремлении продолжить свой род как вековечном законе человеческого бытия. Да и кафедру он часто уподоблял семье, где должны быть мудрые бабушки и дедушки, родители и дети. Отсюда – то пронзительное чувство сиротства, которое сейчас испытываем все мы. Теперь нужно найти в себе силы и продолжить то дело, которому Наум Лазаревич посвятил всю свою жизнь. Светлая память...

*Ольга Александровна Скрипова,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры современной русской литературы УрГПУ*